

КУРКИНА Л. В.

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ИСТОКИ К ЖНОСЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ

Исследования последних десятилетий, ориентированные на реконструкцию праславянского лексического фонда, работы по составлению Общеславянского лингвистического атласа и региональных атласов внесли существенные изменения в традиционные представления о праславянском языке. Ключевым, определяющим для этногенетических построений стало понимание праславянского языка как системы сложной, развивающейся, диалектно дифференцированной. Переосмыслен и сам механизм развития: прямолинейные схематичные построения в духе теории родословного древа уступают место более сложным представлениям о процессе развития, вытекающим из положения о динамичности праславянского языка, незамкнутости, проницаемости занимаемой им территории [1]. «Необходимо считаться с подвижностью праславянского ареала, — пишет О. Н. Трубачев, — с возможностью не только расширения, но и сокращения его, вообще, — с фактом сосуществования разных этносов даже внутри этого ареала, как и в целом — со смешанным характером заселения древней Европы, — далее с неустойчивостью этнических границ и проницаемостью праславянской территории» [2]. Праславянский язык, видимо, характеризовала сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под воздействием многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера (давление субстрата, процессы интерференции и интеграции на смежной территории, факторы культурно-исторического характера и т. п.). В свете новых идей пересматривается традиционное положение о трехчленной структуре праславянского. Как показывают последние исследования, западнославянская языковая группа сложилась на основе консолидации трех диалектных групп: чешско-словацкой, лехитской и серболужицкой, причем серболужицкие диалекты, для которых прослеживаются древние генетические связи с юго-восточными диалектами праславянского, лишь на сравнительно позднем этапе развития сблизилась с прапольским диалектом и постепенно вошли в сферу влияния диалектов лехитской группы [3]. Известно, что южные славяне пришли на Балканы и в Восточные Альпы не раньше VI—VII вв. Это обстоятельство и факт определенно выраженной неоднородности южнославянской языковой группы были причиной того, что некоторые слависты (Рамовш, Коларич, Копечный, Поржезинский, Ляпунов, Мирчев) ставили под сомнение существование южнославянского праязыка, хотя и допускали, что южнославянские племена до прихода на Балканы некоторое время жили вместе в северной или северо-восточной Паннонии. Вопрос об истоках южнославянской языковой группы имеет принципиальное значение для понимания процесса формирования и механизма развития языков и диалектов, занимающих территорию к югу от Дуная. Важно выяснить: содержит ли южнославянская группа протоюжнославянское наследие или эта группа сложилась на основе смешения разных славянских племен, перемещавшихся двумя потоками через Паннонию и Дакию; что в диалектной структуре южнославянских языков можно считать продолжением праславянского состояния, а что сложилось в эпоху миграций и освоения новой родины.

В своих выводах о развитии диалектной структуры праславянского языка наука опирается главным образом на критерий изофон и изоморф. Лишь в самое последнее время в связи с активизацией лексикографической

работы и развитием нового направления — праславянской лексикографии — стали использоваться и данные лексики. В основу генетической классификации славянских языков положен принцип последовательной стратификации во времени и пространстве определенной совокупности фонетических и морфологических явлений, соотносимых с праславянской эпохой. Каждая из славянских языковых групп, образуемая пересечением разнонаправленных изоглосс, предстает как результат постепенного, многоступенчатого деления праславянского языка. В соответствии со сложившейся традицией [4] истоки южнославянской языковой группы связывают с тем периодом развития праславянского, когда вслед за первым разделением исходной монолитной системы на два диалекта — западный и восточный — происходит расщепление восточного диалекта, выделение в его составе южнославянского праязыка и как следствие этого процесса — образование нового противопоставления север — юг. Следующую, третью фазу в перегруппировке праславянских диалектов связывают с процессом сближения южных славян с предшественниками чешских и словацких племен. Языковым знаком совместных переживаний служит одинаковое преобразование сочетаний *tert, telt*. С учетом этих трех исходных этапов эволюции распределяются во времени и пространстве южнославянские изоглоссы. Традиционная схема предстает в несколько преобразованном виде в тех теориях, которые придают решающее значение противопоставлению запад — восток. Соответственно при осмыслении проблемы генетических истоков южнославянской языковой группы акцентируется внимание на производности южных славян от восточных [5] или подчеркиваются преимущественные связи южных и западных славян, и на этом основании строится гипотеза о западнославянском происхождении южных славян [6, 7].

В современной славистике благодаря достижениям славянской лингвистической географии и праславянской лексикографии происходит переоценка традиционных выводов в двух направлениях. С одной стороны, исследования, базирующиеся на более широком и углубленном изучении языковых фактов, вносят изменения в хронологию основных фонетических явлений, в результате чего процессы, традиционно относимые к эпохе раннепраславянского, в современных исследованиях приближены во времени или совпадают с эпохой активного освоения новой родины. С другой стороны, новейшие работы показывают, что восстанавливаемые для праславянского языка древнейшие изоглоссы имеют более сложную конфигурацию и не укладываются в традиционную схему деления исходной системы. Прерывистые изоглоссы, связывающие разные части славянского пространства, являются показателями более сложных диалектных отношений, чем простое деление праславянского сначала по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением двух ареалов — северного и южного.

Так, к числу важнейших свидетельств древнейшего диалектного членения праславянского относят изменение сочетаний *tl, dl*, но по новым данным это преобразование относится к более поздней эпохе II—III вв., а соответствующие изоглоссы 1) *l*, 2) *dl, tl*, 3) *kl, gl* [8; 9, с. 27—28]¹ получают более сложное пространственное выражение и не совпадают с предполагаемым делением праславянского по вертикали на запад и восток. Не подтверждает гипотезы о первоначальном противопоставлении западных и восточных диалектов и изоглосса *kv, gv/cv, zv*. Новые исследования показывают, что II палатализация, датируемая по данным топонимии VI—VII вв., не захватила диалекты русского севера, и, таким образом, изоглосса *kv, gv* достаточно далеко продвинута на восток [10, 11].

Пересмотра и переоценки требуют изоглоссы, которые традиционно считаются релевантными для южнославянской языковой группы. Со времени Ягича [12] утвердилось мнение, что южнославянский праязык сложился благодаря следующим инновациям: 1) *o't, o'lt > ra-, la-* при сев.-

¹ Из большой литературы на эту тему отметим лишь последнее по времени исследование [8].

слав. *ro-*, *lo-*; 2) $e > e$ при сев.-слав. широком открытом гласном (ср. словен., серб.-хорв. *pet* и русск. *пять*); 3) $y > i$; 4) депалатализация согласных перед гласными переднего ряда; 5) окончание ϵ в род. п. ед. ч. основ на *-iā*, *-iō* при сев.-слав. ϵ (ср. ст.-слав. *душа* и др.-русс. *душѣ*); 6) окончание *-омь* в тв. п. ед. ч. основ на δ при сев.-слав. *-ѣтъ* (ст.-слав. *градомь* и др.-русс. *градѣмь*); 7) действительное причастие наст. вр. на *-у* при сев.-слав. *-а* (ср. ст.-слав. *несы* и др.-русс. *неса*), 8) союз *да* и т. п. Но изоглоссы, которые, как полагают, определили противопоставление север — юг, неоднородны по составу и имеют разную хронологическую глубину, многие из них сложились поздно, уже в эпоху самостоятельного развития славянских языков. К специфически поздним балканским новообразованиям следует отнести южнославянскую форму инфинитива с союзом *da*. В историческую эпоху происходит смешение *i* и *y*: в сербскохорватском еще в XII в. встречаются записи *mi* $\leq$ *my*, *vamī* $\leq$ *vamy*, в болгарском правильное употребление *y* прослеживается до XIII в. [9, с. 88]; более того, следы произношения *y* сохраняют современные говоры родопского края. Утрата ринизма в славянских языках происходила в IX—XI вв. Такой признак, как широкое *a* на месте ϵ , едва ли можно признать исключительно севернославянским, так как тот же рефлекс ϵ знают некоторые южнославянские диалекты в позиции после мягких согласных: ср. серб.-хорв. чакав. *žaja* $<$ **žedja*, ю.-макед. *māso* $<$ *mēso*. Отдельные грамматические формы выходят за пределы южнославянского ареала. Так, окончание тв. п. *-ом* характеризует серболужицкие языки (ср. в.-луж. *z čłowjekom*, н.-луж. *z cłowjekom*), предполагается оно и для среднесловацкого диалекта [13, с. 134; 14]. По всей видимости, правы те, кто сомневается в возможности выделения в системе праславянского специфически южнославянских черт [9, с. 85]. Гипотеза о существовании южнославянского праязыка как особой самостоятельной системы в пределах праславянского опирается на некоторые морфологические показатели (форма причастия на *-у*, окончание существительных на *-ѣ*) и на факт сохранения исключительно южнославянскими языками древнейшего индоевропейского термина **desnъ(jb)* для обозначения правого, соотносительно с литов. *dėšinas* «правый». Но с точки зрения лингвистической географии южнославянский языковой ареал может рассматриваться как периферия по отношению к северной территории, занимаемой славянами накануне расселения. Южная периферия сохраняет архаичные явления (ср. закономерное развитие ю.-слав. *-у* из *-onts*), на нее не распространились севернославянские новообразования (ср. форму причастия на *-а*). На этом основании некоторые исследователи определяют южнославянский как «архаизирующий праславянский» [15]. При отсутствии специфически южнославянских новообразований едва ли правомерно предполагать для южных славян ступень отдельного существования в рамках праславянского. Взаимосвязь и языковое единство южных славян свидетельствуют не столько об обособленном развитии, сколько о сохранении праславянского наследия. Южнославянская языковая общность, видимо, складывается как союз близкородственных языков/диалектов уже в условиях жизни на новой родине.

Положение лингвистической географии о центре и периферии методологически важно для понимания того, как складывалась языковая дифференциация на рубеже двух эпох — балканской и добалканской. Диалектная структура позднего праславянского сохраняет наибольшую преемственность с тем ареалом, который был последней территорией, занимаемой славянами перед расселением. Оставляя в стороне проблему прародины славян, мы опираемся на положение о динамичности праславянского ареала и исходим из того, что на разных этапах славянских миграций возникали свои центры и периферии, но в плане лингвоэтнических процессов, определивших структуру и географию славянских языков, важно именно последнее соотношение центра и периферии. Последняя остановка и была тем центром, откуда шли колонизационные потоки в разных направлениях. По сведениям исторических источников (Иордан), к середине V в. славяне делились на антов и склавенов и занимали терри-

торию к северу от Дуная и, в частности, размещались в Среднедунайской низменности. Славяне, видимо, проникли на эту территорию, входившую в состав древней Паннонии, путем ранней инфильтрации в составе варварских народов вместе с гуннами, готами, аварами и т. п., но к VII в. Паннония уже область с преобладающим славянским этносом. В пользу гипотезы об освоении славянами этой территории говорят многочисленные гидронимы и топонимы славянского происхождения по обе стороны Дуная на землях современной Венгрии [16]. Польский лингвист Т. Милевский [17], осмысливая процесс языкового развития, высказал предположение, что именно область Паннонии, а также земли к югу от Карпат образовывали центральную зону, где складывались важнейшие инновации, предопределившие последующее развитие диалектных отношений позднего праславянского. Именно к этой эпохе восходят истоки основных фонетических процессов, активная реализация которых приходится на период миграций и освоения новой родины (VII—XII вв.), а именно: 1) преобразование сочетаний *tert, telt*, датируемое по данным славяно-германской топонимии VIII—IX вв.; 2) утрата носовых; 3) изменение *ě*, 4) смещение *y* и *i*, 5) утрата праславянских интонаций, 6) депалатализация согласных; 7) переход *g > h*. Тенденции, исходившие из центра, с разной степенью интенсивности проявлялись в периферийных областях. В зависимости от характера и силы воздействия центра Т. Милевский различает три периферии: ближнюю, среднюю и дальнюю. Ближайшей периферией с малым числом архаизмов признаются области словенско-чакавская и южнорусская. К средней периферии отнесены области севернорусская и польская. Дальней периферией, сохранившей наибольшее число архаизмов, по мнению Т. Милевского, были, с одной стороны, область болгаро-македонская, а с другой, полабско-поморская. Перекрестными изоглоссами связываются все три периферии, сохраняющие в силу своей удаленности от центра наиболее архаичное состояние. Так, признак сохранения носовых является общим для словенских диалектов (ближняя периферия), лехитской области (средняя периферия) и болгаро-македонских говоров (дальняя периферия). Отступления от закономерного преобразования сочетаний *tert, telt* на основе метатезы плавных или передвижения границы слога наблюдаются в болгаро-македонских и лехитских диалектах, а именно в полабском и кашубско-словинском. Разные части трех периферий объединяет и такой признак, как сохранение взрывного *g*: севернорусские диалекты, лехитская область, большая часть территории южнославянских языков. С расширением материальной базы исследования, с введением других параметров, функционально значимых для системы праславянского (ср., в частности, показатели тв. п. -*or* и -*orj*, результаты преобразований -*oit*, -*olt* и т. п.), мы получим еще более сложную и дробную картину изоглоссных связей, в которой взаимодействуют системы унаследованных генетических отношений с той системой связей, которую определяет отношение центра и периферии на разных этапах развития праславянского. Положение осложняется еще тем, что на периферии, с которой связывается понятие архаизма, складываются свои инновации, анализ которых сопряжен с большими трудностями, поскольку мы не располагаем надежными критериями для хронологического расслоения языкового материала.

Проблема лингвистического этногенеза славян сводится, по существу, к поискам генетических связей восстанавливаемых древнейших диалектов в пределах славянского ареала и шире — в кругу индоевропейских языков. Но в силу ряда причин внешнего порядка поставленная проблема едва ли разрешима в полном объеме. Современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи. Диалектная структура языка всегда является следствием целого комплекса причин, соотношение и воздействие которых неодинаково в разное время и в разных частях языкового пространства. В эпоху после распада праславянского языка определяющим фактором языкового развития было взаимодействие двух противоположных тенденций, одна из которых была вызвана расширением занимаемой

славянами территории и вела к усилению языковой дифференциации, а другая способствовала сближению, интеграции близкородственных диалектов в условиях, когда племенные союзы превращались в устойчивые территориально-государственные образования. Вследствие указанных процессов, осложненных воздействием субстрата, миграциями населения и т. п., диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют прямого, точного соответствия на плоскости праславянского. Поэтому традиционная генетическая классификация славянских языков, строго говоря, носит условный характер, поскольку она исходит из представлений об отличительных особенностях современных славянских языков и опирается на факт общности территориального и культурно-исторического развития славянских языковых групп. Сложившаяся классификация отражает скорее конечный результат исторического развития, а не те исходные отношения, которые имплицитно присутствуют в диалектной структуре славянских языков. В свете новых положений основной единицей генетической классификации должны быть не славянские языковые группы в целом, а восстанавливаемые для них древнейшие диалекты и диалектные группы.

Формирование южнославянской языковой группы протекало под воздействием двух факторов. С одной стороны, в условиях жизни на Балканах тесные языковые контакты способствовали развитию межъязыковых связей и созданию балканского языкового союза, а с другой стороны, противоположные процессы, обусловленные целым рядом причин, привели к разделению южнославянской языковой области на два ареала — западный и восточный — и образованию двух диалектных комплексов. Наиболее существенным и, бесспорно, древним показателем этого противопоставления можно считать преобразование групп *tj*, *dj* в направлении словен. *č*, *j*, серб.-хорв. *č*, *d* и болг. *št*, *žd*. Видимо, истоки этого явления восходят к периоду совместной жизни славян. Преобразование шло через промежуточную ступень, определяемую как *t'*, *a'* или *t'*, *d'*, подтверждением чего служит графическая передача *tj*, *dj* через *k*, *c*, *g* во Фрейзингенских отрывках [18, 19]. Но конечные результаты этого процесса складываются, по всей видимости, в эпоху жизни славян на новой родине. К другим показателям противопоставления южнославянских ареалов могут быть отнесены следующие явления: 1) совпадение редуцированных *ъ*, *ь* в одном гласном в словенском и сербскохорватском; 2) сохранение губной артикуляции для носовых в западной части (*ǫ* > словен. *o*, серб.-хорв. *u*) и развитии *ǫ* > *a*, *ъ* в восточной части; 3) сохранение музыкального ударения в западной части; 4) окончание род.-вин. п. муж. и ср. р. местоимений и прилагательных *-ga* в западной части и *-go* в древнеболгарском; 5) окончание 1-го л. мн. ч. наст. вр. *-mo* в словенском и сербскохорватском и *-m* в древнеболгарском; 6) окончание 3-го л. ед. ч. наст. вр. *-tъ* в древнеболгарском и отсутствие этого окончания в словенском и сербскохорватском. Противопоставление прослеживается и в системе именного словообразования: в западной части абстрактные существительные образуются с помощью суффикса *-ot'a*, в восточной — *-ota* (ср. словен. *lahkoča*, серб.-хорв. *lahkoća* — болг. *lekota*). Преимущественно западным ареалом ограничено распространение суф. *-ača* в *nomina agentis* и *nomina instrumenti* и *-it'ъ* в качестве показателя деминутивов (ср. серб.-хорв. *nožić* : *nož*) [20]. Наблюдаются и различия в лексике диалектов западного и восточного ареалов, о чем будет речь ниже. Развитие противопоставления на южнославянской территории связывают с двумя потоками славянских миграций, которые шли через Дакию и Паннонию. Углубление различий способствовало и то обстоятельство, что на новых землях славяне испытали на себе разностороннее культурное влияние (в западной части преобладает влияние позднеримской культуры, в восточной — греческой), их развитие протекало в разных системах государственных образований. Противопоставление двух южнославянских ареалов, во многом обязанное интеграции диалектов в новых культурно-исторических условиях, перекрыло и таким образом стерло более древнюю диалектную структуру южнославянских языков [21, там же основная литература].

Южнославянское языковое пространство представляет собой непрерывный диалектный континуум, в пределах которого, по данным современной диалектологии, выделяется, по меньшей мере, три диалектные зоны (северо-западная, юго-восточная, область штокавского диалекта), каждая из которых имеет свои генетические истоки. Для решения проблемы лингвистического этногенеза южных славян необходимо выяснить, в какой степени каждый из диалектных комплексов сохраняет генетическое тождество на всем протяжении развития и что в составе этих комплексов может быть репродуцировано на плоскость праславянского языка. Пересмотр традиционных взглядов на происхождение южных славян с позиции отдельных южнославянских диалектов обещает открыть новые аспекты в системе взаимоотношений славянских диалектов и их распределения на карте праславянского. Путь к решению поставленной проблемы лежит через исследование частных систем методом изоглосс, установление наиболее значимых сепаратных связей южнославянских диалектов с разными частями севернославянского ареала и в первую очередь с языками и диалектами западнославянской группы. Исследования, ведущиеся в этом направлении, уже дают некоторый материал, позволяющий судить о характере отношений двух указанных ареалов. Так, выявлены некоторые общие явления для болгарского языка и лехитской (точнее, севернолехитской) группы диалектов: 1) отсутствие протезы *ja*, 2) отражение *ě* в виде *ä*, 3) сохранение аффрикат *ž* и *ž'*, 4) отклонения от метатезы плавных, 5) лексические соответствия [22, с. 38]. В этих схождениях усматривают отражение старой связи предков македонцев и болгар с предками поморян и поляков [23]. В самое последнее время предметом пристального внимания стали изоглоссы, объединяющие словенский и серболужицкий языки: 1) окончание тв. п. ед. ч. в форме *-om*; 2) окончание 1-го л. мн. ч. глагола *-mo*; 3) глагольный суффикс *-no*, выступающий в словенском в форме *-ni*, в верхнелужицком — *-ny*; 4) частичное изменение *dl > l*; 5) тенденция к депалатализации согласных перед гласными переднего ряда; 6) возможность развития *g > h*; 7) многочисленные лексические схождения [24]. Но в целом разработка этой проблемы находится пока еще на стадии первых предварительных наблюдений. Накопленный опыт исследований в лингвогеографическом плане позволяет перейти от выборочного изучения отдельных фрагментов диалектных отношений к систематическому и всестороннему обследованию указанных диалектных комплексов с учетом данных лексического уровня. В настоящий момент целесообразно сосредоточить усилия на изучении северо-западной группы диалектов, для которой в значительной степени прослеживается историческая непрерывность во времени. Это, по определению А. Белича, «первое южнославянское языковое единство» объединяет словенский язык с кайкавским, чакавским и западноштокавским диалектами сербскохорватского языка². Некоторые исследователи, учитывая достаточно определенные отличия этого диалектного комплекса, выделяли его в самостоятельную языковую группу и таким образом строили четырехчленную генетическую классификацию славянских языков [25].

В общей сумме изоглосс, характеризующей северо-западную группу диалектов, особое значение имеют связи с диалектами чешско-словацкой языковой области. Помимо изоглоссы *tert, telt*, общей для чешско-словацкой области и всей южнославянской группы, существуют и специфические связи указанной западной области с северо-западным диалектным комплексом. Эти связи охватывают следующие явления: 1) сохранение *tl, dt* в севернословенских диалектах и повсеместно в чешском языке; 2) наличие слогового сонанта *r*; 3) тв. п. ед. ч. основ на *-ā* в форме **-r >* словен. *-o*, кайкав. *-o*, *-o*, чакав. *-u* (и *-u-n*), черногор. *-u*, др.-чеш. *-ú*, чеш. *-ou* (ср. словен. *ribo, ženo*, хорв.-кайкав. *ribo, ženo/ribu, ženu*, чакав. *ribu, ženu* и *ribun, ženun*), черногор. *se^a mni* при форме *-ojr* в словацком и на осталь-

² Мы оставляем в стороне вопрос о генетических отношениях словенских и кайкавских диалектов и связанный с этим вопрос о времени диалектного членения северо-западного ареала. Разные подходы к этим вопросам отражают, в частности, работы [18, 19; 26, гл. VII, X, § 103]. Ср. еще [27, 28].

ной южнославянской территории; 4) форма будущего времени с глаголом *byti*; 5) стяженная форма прилагательного *-ego* (ср. словен. *dobrego* ~ чеш. *dobrého* при серб.-хорв. *dobroga*, ст.-слав. *доброга*); 6) частичное сохранение приставки *vy-* словенскими и северночакавскими диалектами (ср. словен. *vigred*, хорв. *virišiti*, чакав. *vikopati*, *vilaz* и т. д.); 7) $g > \gamma$, h в чешско-словацкой группе, отдельных верхнелужицких, словенских и чакавских диалектах [26, с. 31—32].

Известно, что особенно тесная связь существует между южнославянскими языками и словацким языком, а точнее, одним из его диалектов, который в настоящее время занимает центральное положение, а в средневековье охватывал большую часть современной южной Словакии [29]. В число так называемых югославизмов словацкого языка включают следующие явления: 1) $oi\ t-$, $o\dot{t}\ t-$ $> ra-$, $la-$ (ср. словц. *rázvora* при чеш. *rozvora*); 2) tl , $dl > l$ (ср. ср.-словц. *omelo*, *šilo*); 3) $x > s$ перед гласными переднего ряда (ср. словц. *muse* при чеш. *múše*); 4) переход $*3'$ ($< g$ по II и III палатализации) не в 3 ($d\dot{z}$), а в z (ср. *kňaz*, местн. п. *noze*); 5) $j\dot{y} > i$ при чеш. *je-*, *j-* (ср. словц. *ihla* при чеш. *jehla*); 6) дат.-местн. п. ед. ч. местоимения *tebē*, *sebě* при зап.-слав. *tobě*, *sobě*; 7) окончание *-om* в тв. п. ед. ч. основ на $-ō$; 8) топонимы на $-ince < -inci < -in\dot{s}ci$ (ср. словц. *Behince*, *Čeladince*, болг. *Borinci*, серб.-хорв. *Bajinci* и т. п.) [30, 31].

Наряду с явлениями, общими для среднесловацкого диалекта и всей южнославянской группы, отмечаются и особые черты, отличительно характеризующие среднесловацкий диалект и диалекты, расположенные в северо-западной части южнославянской территории. Только в этих двух областях находим: 1) сокращение долгого акута (ср. словц. *blāto*, *vrāna* ~ серб.-хорв. *blīto*, *vrāna* при чеш. *blāto*, *vrāna*); 2) удлинение гласных в род. п. мн. ч. в словах типа *ž'nā*, *p'rā* (ср. чакав. *rīb*, *žen*) при чеш. *rýb*, *žen*; 3) окончание *-mo* в 1-м л. мн. ч. наст. вр. (ср. в области Гемер *dāmo*, *idemo* ~ серб.-хорв. *dāmo*, *idemo*, словен. *gremo* и др.-чеш. *-m*); 4) долгий тематический гласный в глагольных основах на $-e$, содержащих первоначально e краткое (ср. словц. *ñesiem*, *ñesieš* и серб.-хорв. *do-ñesēm*, *do-ñesēš* при чеш. *nezem*, *neseš* с кратким тематическим гласным); 5) частично представленный переход $\acute{e} > e$: ср. словен. $\acute{e}$, зап.-чакав., шчакав. e и средне-и вост.-словц. развитие сочетаний *bě*, *pě*, *vě*, *mě > be*, *pe*, *ve*, *me* (ср. *behat'*, *pena*, *verit'*, *mesto*) при зап.-словц. и чеш. *bje*, *pje*; 6) *stj > словц. šč* ($> št$ с XIV в.), словен., кайкав. *šč*, шчакав. *šč* при чеш. *št'*; 7) развитие вторичного гласного в причастиях на $-l$ (ср. ср.-словц. *padol*, *nesol*, зап.-словц. *padel*, *nesel*, словен. *padel*, *nesel* при чеш. *padl*, *nesl*) [26, с. 37—38; 32].

Заслуживают внимания изоглоссы, объединяющие словацкий с одним из северо-западных диалектов — чакавским: 1) ср.-словц. *čo* (зап.-словц. *co*) ~ чакав. *čā/čo* (ср. на о. Хвар *ili-čo*) при чеш., польск. *co*; 2) переход $ra > rā$, отмеченный в среднесловацком уже в XIII в. (Орава, Гемер) и частично в чакавских и шчакавских диалектах (ср. словц. *krāj*, *brāda*, чакав. *rēst*, *krēst*; 3) общие изолексы: ср. словц. *stuža*, ~ серб.-хорв. чак. *stuža* «ремень» ($< *s\dot{z}tog-iā$) при чеш. *stouha*, польск. *w-stęga* ($< v\dot{z}z-stoga$) и т. п. [26, с. 371].

Дальнейшее исследование показывает, что некоторые из рассмотренных выше изоглосс получают продолжение в болгаро-македонской области. Северо-западную и юго-восточную периферию объединяет через чешско-словацкую область тип топонимов на $-inci$, который характеризует юго-западную часть словацкого языка, а на южнославянской территории концентрируется в двух областях — северо-западной и юго-восточной, но редко встречается в центральных областях Югославии. Приставка *vy-*, типичная для чешско-словацкой группы, спорадически представлена в северо-западных диалектах и в старославянском языке (ср. ст.-слав. *выстѣжити*).

Известны попытки определить изоглоссы, общие для чешско-словацкого и болгаро-македонского ареалов: 1) окончание тв. п. ед. ч. $-o\dot{f}o >$ ср.-словц. $-ov(-ou)$, $-of$, $-uof$ (ср. *ženov*, *ženof*, *ženouof*), в области Гемер $-ō$ (ср. *ženō*), др.-серб. $-ov\dot{y}$ (ср. *věrov\dot{y}*, *glavov\dot{y}*), чакав. (Далмация) $-ov$ (ср. *ženov*, *sestrov*), ст.-слав. *съ мноѡж*; 2) различие $\dot{z}$ и $\dot{z}$; 3) в определенных по-

зициях широкий гласный *a* на месте *e*; 4) развитие полногласия в группе *čert* > *čeret* [22, с. 40; 33] и т. д.

И, наконец, поддаются выделению изоглоссы, специфические для словенского и болгаро-македонского ареалов: 1) сохранение носовых в словенских диалектах (ср. зильский), македонских говорах и родопском диалекте болгарского языка; 2) развитие *o* > *o* в словенском и родопском диалекте; 3) развитие протетического гласного перед *o* (ср. словен. *vôzel*, *vôs*) [19, с. 32]. В большом списке словенско-болгарских изоглосс [34] много достаточно поздних явлений, среди них балканизмы (утрата склонения отдельными словенскими диалектами, двойной объект, союз *da* и т. п.), результаты параллельного, независимого развития (оглушение *v* > *f*, утрата *v* перед *s* и т. п.) и т. п.

Общность указанных выше диалектных зон (северо-западной, юго-восточной и чешско-словацкой) подтверждается и фактами лексики. Использование лексики как одного из показателей лингвоэтнических процессов стало возможным благодаря развернувшейся в последние два десятилетия работе по реконструкции праславянского лексического фонда, а также благодаря исследованиям, проводимым по программе Общеславянского лингвистического атласа. Словари, подготавливаемые в Москве и Кракове [35, 36], этимологические словари отдельных славянских языков [37] опираются на достаточно широкий круг лексикографических источников, поэтому уже в самом материале устанавливаемых соответствий заложена информация о территориальном распределении древних лексем. Специально выделяются узколокальные явления, наиболее выразительные изоглоссы, связывающие отдельные области славянского языкового мира. Наблюдения, содержащиеся в словарях, требуют систематизации, обобщения под определенным углом зрения. Кроме того, выводы относительно праславянских лексических диалектизмов нуждаются в дальнейшей углубленной, детальной разработке на основе более полного изучения словарного состава рассматриваемых нами диалектных областей. Надо иметь в виду, что изданные словари охватывают пока лишь часть славянской лексики: Праславянский словарь [36] в объеме букв *A — D*, ЭССЯ — *A — K*. Только путем соответствующей обработки значительного по объему материала славянской лексики по другим буквам станет возможным определение в наиболее полном виде состава диалектно ограниченных явлений в словаре.

Мы должны себе отдавать отчет в том, что в сравнении с другими языковыми уровнями меньшими диагностическими возможностями обладают данные лексики. Несистемный характер лексики, неполнота фактической базы, предоставляемой лексикографическими источниками, а также отсутствие достаточно надежных критериев для разграничения архаизмов и новообразований — все эти и другие моменты затрудняют выводы о диалектном членении праславянского языка по данным лексики. Необходимо также считаться с возможностью утраты слов. Способность слова распространяться за пределы исходного ареала осложняет интерпретацию лексических схождений особенно в тех случаях, когда совпадения наблюдаются на смежной территории, в пограничной области. Кроме того, сам факт установления изолекс нередко требует этимологического осмысления материала, и именно от избранного этимологического решения зависят выводы о направлении изоглосс. Но определенные предпосылки для суждений лингвоэтнического характера создает осмысление фактов лексики в рамках системных отношений с учетом данных других языковых уровней в соответствии с той концепцией праславянского языка, которая складывается в ходе исследования, уточняется и развивается.

Южнославянская языковая группа не обнаруживает единства и в лексике. Лингвогеографическое изучение лексики открывает новые аспекты в распределении диалектных связей на карте праславянского языка. Уже первые предварительные наблюдения позволяют констатировать отсутствие на южнославянской территории многих древних слов, ср.: **bryla*, **bydlo*, **borgъ*, **blp̃kati*, **bl'uzniti*, **bolbotati*, **čypati*, **degъtъ*, **kl'uditi*, **kluky*, *-ъve*, **kogъtъ*, **kodъra*, **kovaľ*, **kqb(ъ)lo* [35], **oldyga*, **lъgno*,

*leščetъ, *lězivo, *lъgostajъ, *lěda/leda, *lъžьka, *lyžь, -ъve, *lubъka/*lubъkъ, *luběnъka [37, т. VI], *pylъ [26, с. 20] и т. д. Как правило, общеюжнославянские лексемы обнаруживают продолжения в севернославянских языках. Целый ряд лексем отличительно характеризует западный или восточный ареал южнославянской языковой области. Преимущественно в северо-западной части представлены продолжения праслав. *bl'uzgati, *gnědъjъ, *gnětiti, *golotja, *xřetiti, *kresati, *kolnъsъ, *děža, *madežъ, *natъ, *kača, *tin'ati, *trъ(d)s-, *zyba/zybati, *gajъ, *glyža и т. п. Восточным ареалом ограничено распространение праслав. *dъviz-, *bru(k)tъ, *boraviti, *blizna/*blizno, *bl'udo, *desiti/dositi, *drusati, *dolga, *guja, *golēmъ, *glomotъ, *gъrkl'anъ, *gъrnъsъ, *kovylъ, *mečъka, *naprasъnъjъ, *patriti и т. д. Прослеживается еще одна особенность: специфически южнославянские лексические диалектизмы представлены не на всей южнославянской территории, а, как правило, сосредоточены в северо-западном или юго-восточном ареале. Так, северо-западная область сохраняет немало лексических архаизмов, для которых отсутствуют точные лексико-семантические соответствия в славянских языках, но восстанавливаются этимологически тождественные основы: ср. *mēdъnъ (словен. mlēden «слабый», серб.-хорв. mlēdan, хорв.-кайкав. mlēden «то же»), *pa-tъščiti (словен. páščiti se «стараться, торопиться», серб.-хорв. pāštiti se), *-pētiti (словен. pripetiti se «случиться», хорв., чакав. spētiti, pripetiti se «то же»), *paželъ < *pazio (словен. páželъ «коготь», хорв.-кайкав. páželъ «то же», серб.-хорв. páželъ, имя), *paž-kъlъ (словен. párkelij «коготь», серб.-хорв. parkalj = parkel «то же»); *gnida (словен. gnída «немножко, чуточку», серб.-хорв. чакав. gnída «кусочек, чуть-чуть»), *pletmeъ-mene (словен. plēme = plemen «отдельная нитка, шнур»), *sorga (словен. sraga «капля», серб.-хорв. srāga «то же») и т. д.

В общей части словаря северо-западного ареала заметное место занимают лексемы с ограниченными сепаратными связями с диалектами чешско-словацкой области, частично изоглоссы этого типа захватывают отдельные лехитские и серболужицкие диалекты³. Указанными ареалами ограничены продолжения праслав. *cěsta «дорога», *drěčъnъjъ «крепкий», *gnatъ, анат. термин, *čilъjъ «крепкий», *kъrgati «капать, стекать», *xъrěčъkъ «хомяк», *soliti «ударить», а также некоторых других лексем, среди которых укажем следующие: *lēga: словен. диалектн. léga «перекладина» ~ чеш. líha, словц. líha «то же», ср. укр. slіgi «то же», *ob-tъka (~ tykati): словен. ōtka «часть плуга», хорв.-кайкав. ōtka ~ чеш. otka, зап.-словц. otka «то же», в.-луж. wótka; *ob(v)lōkъ (~ *ob(v)ylъ «округлый»): словен. ōblok «окно», кайкав. oblōk, чакав. òblok (при далмат. prozor) ~ словц. oblok, н.-луж. hōblak, wōblak; *parězъ: словен. párež «кол, палка» ~ чеш. pařez «пень», др.-луж. parēs «то же», ц.-слав. nartъzъ «assula»; *plex-(/plaxъta): словен. pleh, серб.-хорв. pleh «одна половина» ~ словц. диалектн. pleh «край (юбки)»; *paхъtětī/-tati: словен. pahetati «махать, порхать» ~ чеш. pachtěti, словц. pachtiet' «пыхтеть»; pa-ozъ: словен. pavožina «палка» ~ чеш. pavuza, pavuz, словц. pavúz «жердь», польск. pawqz; *povorъzъ: серб.-хорв. чакав. pōvras «петля» ~ словц. (Гемер) povrazec «узкая длинная полоса поля», топ. Povraz; *žъvala: словен. žvāla «удила», кайкав. žvale, чакав. žvala, ~ словц. диалектн. žvala.

При отборе сепаратных изоглосс трудно ожидать большого числа словенско-болгарских изолекс. Приведем в качестве примеров: *jъžkъrъ (словен. isker ~ ст.-слав. искръ «вплотную, близко»), *gluta (словен. gluta ~ болг. оглутка), *ne-je-věrъ (словен. nejeveren ~ ц.-слав. невяѣръ «неверующий»), věgъ (словен. vэг «кривой» ~ болг. вѣгафъ), *ob-tokъ в значении «остров». Заслуживает серьезного внимания тот факт, что некоторые изоглоссы, связывающие северо-западный и юго-восточный ареалы, проходят через чешско-словацкую область и частично охватывают восточнославянские диалекты. По данным ЭССЯ, такую ареальную характеристику имеют продолжения праслав. *xarъjъ (словен. harè «кляча», болг. харый «испорченный» у Герова, чеш. charý «мрачный, ветхий»), *kova (болг.

³ Об основных связях южнославянской лексики см. [38].

диалектн. *kəva* «обух топора», серб.-хор. чакав. *kôva* «каменоломня» и слов. *kova* «подкова»), **kręčь* (словен. *krêč*, макед. *креч* «судороги», чеш. *kręč*), **kotalëti/kotlëti* (словен. *kotljati se*, болг. диалектн. *кѡтлѣм* и чеш. *kotaliti*) и т. п.

Показательна еще одна особенность: некоторые балто-славянские изолексы прослеживаются лишь в юго-восточном ареале: ср. болг. *бърна* «губа» ~ литов. *burnà* «рот», болг. *дръска* ~ литов. *druskà*, болг. *гръклян* ~ литов. *gurklỹs* «зоб». и т. п. Существуют и балто-славянские изолексы, ограниченные северо-западным ареалом и неизвестные остальным южнославянским языкам: ср. словен. *vada* «вид невода» ~ литов. *vãdas* «сеть», словен. *snũditi se* «снывать» ~ литов. *snaudũ* «медлительность», словен. *trabi* «рассоха в повозке» ~ литов. *trobà* «дом, постройка», словен. *sũl* «дым» ~ лтш. *svals, svala* «то же» и т. п.

Рассмотренные выше изоглоссы дают основание для реконструкции древней общности близкородственных диалектов с намечающимися чертами южно- и западнославянского типа. Эта диалектная группа, размещавшаяся, судя по направлению изоглосс, к северу от Дуная, распалась в эпоху славянских миграций. В эту эпоху определились, усилились диалектные различия. В историческом документе IX в., «Баварском географе», сообщается, что славяне, жившие в Паннонии, составляли один союз племен, а славяне, жившие в Каринтии, — другой. «Баварский географ» одних называет *Quarantani*, других *Sclavi: in partes Sclavorum*. Исходя из этих данных, Я. Станислав [13, с. 214] высказал предположение, что на большей части Паннонии жили будущие западные славяне, а к западу от них, у истоков Муры и Дравы, — славяне южные, но местами южные славяне вклинивались островами между западными славянами. О смешанном характере населения Паннонии свидетельствует, в частности, топонимия Венгрии. Вопреки Я. Станиславу [39], на территории Венгрии представлены топонимы не только словацкого типа, здесь выделяется довольно значительный слой топонимов болгарского и словенско-кайковского типа [40]. Паннония была одним из центров славянских миграций. Отсюда шло движение на северо-запад в глубь Восточных Альп, на юг и юго-восток по бассейнам рек Тиса, Морава, Варда в направлении Сердики и на Филиппополь, в Фессалоники, Македонию и Грецию. На Пелопоннесе славяне проникали не только с северо-востока, но и северо-запада. На основе анализа микротопонимов славянского происхождения одной из небольших областей Пелопоннеса (район вдоль побережья Мессенского залива на юго-запад от Спарты, район Мани), где славяне жили в течение шести веков (середина IX—XV вв.), Малингудис восстанавливает некоторые особенности функционировавшего здесь славянского диалекта и приходит к выводу, что этот диалект несет в себе черты неболгарского типа (ср. *tj > ě* в *ěuž < tjudь*) [41]. В формировании юго-восточной части южнославянской территории принимал участие, видимо, колонизационный поток, двигавшийся с северо-запада.

Таким образом, выделяемая по признаку единства и специфичности общность близкородственных диалектов, определяемая нами как паннонославянская, устойчиво сохраняет последовательность и преемственность в своем развитии на определенной территории. Этот комплекс диалектов принимал участие в формировании двух южных периферий и диалектов западной группы и, следовательно, был одним из генетических источников языковых групп южных и западных славян. Для восстановления других исходных диалектов и диалектных комплексов для южных славян необходимо всестороннее обследование болгаро-македонских говоров в лингво-географическом и структурно-генетическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубачев О. И. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграций славян. — ВЯ, 1974, № 6.
2. Трубачев О. И. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — ВЯ, 1982, № 4, с. 12.
3. Шустер-Швец Х. Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития. — ВЯ, 1983, № 2.

4. *Lehr-Splawiński T.* Słowianie południowi (z cyklu: Początki Słowian). Kraków 1946.
5. *Hamm J.* Zur Periodisierung der südslavischen Sprachen.— *WslJb*, 1962, IX.
6. *Nalepa J.* Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968.
7. *Штибер З.* О древних словенско-западнославянских языковых связях.— В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972.
8. *Зализняк А. А.* К исторической фонетике древненовгородского диалекта.— В кн.: Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.
9. *Furdal A.* Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. Wrocław, 1961.
10. *Jurkowski M.* Losy prasłowiańskich grup **kǫ-*, **gǫ-*, **χǫ-*.— В кн.: Z polskich studiów slawistycznych. Seria druga. Warszawa, 1963.
11. *Stieber Zd.* W sprawie pierwotnego podziału dialektalnego języka prasłowiańskiego.— In: *Symbolae linguisticae in honorem G. Kuryłowicz.* Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, s. 305.
12. *Jagić V.* Einige Streitfragen.— *AfslPh*, 1898, Bd. XX, Hf. 1.
13. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. Bratislava, 1967.
14. *Krajčovič R.* Slovenčina a slovanské jazyky. I. Bratislava, 1981, s. 102.
15. *Иванов В. В.* Дialeктное членение славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания).— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 224.
16. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян.— *ВЯ*, 1982, № 5, с. 7—9.
17. *Milewski T.* Archajzmu perferencyjne obszary prasłowiańskiego.— In: *Sprawozdania z posiedzeń komisji PAN. Oddział w Krakowie.* Styczeń — czerwiec 1965. Kraków, 1966.
18. *Белић А.* Прилог историји словенских језика.— *ЈФ*, 1924, IV.
19. *Ramovš F.* Une isoglosse čakavo-kajkavienne.— *RES*, 1923, III.
20. *Ivić P.* Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. 's-Gravenhage, 1958, S. 38.
21. *Куркина Л. В.* Некоторые вопросы формирования южных славян в связи с паннонской теорией Е. Копитара.— *ВЯ*, 1981, № 3.
22. *Цонев Б.* История на българския език. А. Обща част. Т. I. София, 1940.
23. *Бернштейн С. Б.* К изучению польско-южнославянских языковых связей.— *SFPS*, 1965, V.
24. *Schuster-Sewc. H.* Zur Bedeutung des Sorbischen und Slowenischen für die slawische historisch-vergleichende Sprachforschung. In: *Nahtigalov zbornik.* Ljubljana, 1977.
25. *Kopečný F.* K otázce klasifikace slovanských jazyků.— *Slavia*, 1949, t. XIX.
26. *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
27. *Belić A.* Kajkavski dijalekt.— In: *Stanojević St.* Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. II. Zagreb, [192—].
28. *Ramovš Fr.* Slovenački jezik.— In: *Stanojević St.* Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. IV. Zagreb, 1929.
29. *Stanislav J.* Über die Stellung des Slowakischen innerhalb der slawischen Sprachen.— *Zfsl*, 1956, Bd. I, Hf. 2.
30. *Kniezsa I.* Zur Geschichte der Jugoslavismen im Mittelslowakischen.— *Études slaves et roumaines*, 1948, v. I, f. 3.
31. *Horalek K.* Zur Frage der Jugoslavismen Mittelslowakischen.— *WdS*, 1966, XI.
32. *Popović I.* Quel était le peuple pannonien qui parlait *mesos* et *strava*.— *Зборник радова Византолошког института.* Кн. 7. Београд, 1961.
33. *Иванчев Св.* Български и праславянски.— В кн.: Славянская филология. XVIII. Езикознание. София, 1983, с. 31—32.
34. *Petrov-Slodnjak M.* Zum Stellenwert der slowenisch-bulgarischen Sprachparallelen.— In: *Die slawischen Sprachen.* Bd. 2, Salzburg, 1982.
35. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.* Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 1—11. М., 1974—1984 гг. (ЭССЯ).
36. *Словник прасłowiański.* Pod red. Sławskiego F. T. I—V. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974—1984.
37. *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I—V. Kraków, 1952—1982.
38. *Boryś W.* Problematyka prasłowiańskich dialektyzmów leksykalnych. Izoleksy południowosłowiańskie i zachodnio-południowosłowiańskie.— In: *Etnogeneza i topogeneza Słowian. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Slawistyczną przy Oddziale PAN w Poznaniu w dniach 8—9. XII 1978.* Warszawa — Poznań, 1980.
39. *Stanislav J.* Slovenský juh v stredoveku. Bratislava, 1948.
40. *Kniezsa I.* Charakteristik der slawischen Ortsnamen in Ungarn.— *Studia Slavica*, 1963, t. IX. f. 1—4.
41. *Malingoudis Ph.* Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Slavische Flurnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden, 1981.